

*Посвящается моей маме, Каримовой
Рени Камаевне, и всем моим родственни-
кам с татарской стороны: Булатовым,
Каримовым и Артемьевым.*

Пролог

— Господа, наш самолёт совершил посадку в аэропорту имени Франца Штрауса города Мюнхен. Просим оставаться на местах до полной остановки воздушного судна и подачи трапа, о чем мы вам своевременно сообщим. Первый пилот и экипаж прощаются с вами и желают всего наилучшего...

Мужчина преклонных лет дождался, пока пассажиры большей частью покинут борт; несмотря на свой более чем почтенный возраст, легко поднялся, улыбнувшись стюардессам и поблагодарив на чистом немецком языке, вышел в переходный тамбур. Не обращая внимания ни на кого, уверенно дошёл до стойки паспортного и таможенного контроля, показал свой полупустой портфель и, кивнув на «Добро пожаловать в Германскую Республику, герр Краузе», так же уверенно вышел на стоянку перед аэропортом и, сев в такси, добрался до города.

Окраины любого города похожи, словно близнецы. Ряды однотипных многоквартирных домов напоминали Москву, Париж, как и сотни других городов.

Выйдя из машины, старик оглянулся, ориентируясь, и, пройдя пару кварталов, снова сел в такси. На этот раз доехал до центра и только на четвёртой по счёту машине добрался до нужного адреса, где его ждали.

Пожилой мужчина, ни слова не говоря, принял портфель и проводил гостя в дом.

— Добрый день, Путник.

— Добрый, герр доктор, — старик с улыбкой поклонился. Его старый, ещё чёрт знает каких времён псевдоним выглядел здесь и смешно, и грустно. Саркома уже почти сожрала тело, но, пока сознание не погасло, Путник даже в восемьдесят с лишним оставался почти таким же подвижным, хотя и совсем недолго.

— Я полагаю, что вы не передумали? — уточнил тот, которого назвали Доктором, и, увидев мимолётную усмешку, вышел из комнаты и вернулся с небольшим пакетом.

— «Глок семнадцать», два запасных магазина, хотя сомневаюсь, что вы успеете отстрелять хоть один. Но пусть будет. — Доктор из отдельного пакетика достал документы. — Британский паспорт, билеты, справка, ну и прочее «облако достоверности». Даже вот билеты на лондонский автобус. Всё настоящее. Господин Питер Гаррисон пропал три дня назад во время поездки по Германии, по внешности вы с ним почти одно лицо.

Старик с удивлением посмотрел на фотографию, отметив удивительное сходство.

— Действительно, случайность. Попал на окраине под машину, и тело успел перехватить наш человек.

Путник одобрительно кивнул.

— Объект с четырнадцати будет находиться в юридической конторе Майер и Браун. Где-то в пятнадцать — пятнадцать двадцать выйдет и поедет обедать в Шнайдер Бройхаус, и будет там примерно до восемнадцати часов, после чего поедет домой.

Передвигается на бронированном «Гелендвагене» с охраной и на микроавтобусе. Охранников в машине трое, в автобусе ещё пятеро. Охрана из агентства Dreizack.

— Дом?

Доктор развернул план.

— Сняли, частично подсмотрев в окна, частично по данным от муниципальных служб.

Путник долго смотрел на план, просмотрел все фотографии и, кивнув каким-то своим мыслям, взял со стола пистолет, быстро разобрал, собрал, вставил снаряжённый магазин и, скинув пиджак, стал прилаживать кобуру.

— Машина с оборудованием с семнадцати сорока будет стоять напротив дома.

— За мной не ходить, у цели не мелькать и вообще не отвечать.

— Слушаюсь, товарищ генерал-полковник. — Доктор на секунду вытянулся по стойке смирно и кивнул.

Время было ещё раннее, и старик погулял по городу, покормил уток в Английском саду, время от времени прикладываясь к бутылочке с лекарством.

Он вообще не любил ковыряться в воспоминаниях, но тут что-то нашло, и вся жизнь, словно фильм, снятый за одно включение камеры, стала проматываться в голове. Учёба в авиационном институте, служба «пиджаком» на секретном радиолокаторе, нападение толпы узкоглазых борцов за какую-то свою невнятную правду и короткий бой, когда он остался один, но и из бандитов не выжил никто. Почему не выжил? Да потому что когда лейтенант Шухов увидел своих мёртвых това-

рищей, то подхватил ещё один «калаш» и прошёлся по всем лежащим бандитам, делая контроль, стреляя в голову, причём не одиночными, а короткими очередями, оставляя на месте головы большую кровавую кляксу.

Мобильная группа прилетела только через полчаса, когда Виктор уже сложил всех погибших сослуживцев на брезент и занимался ремонтом радиостанции, в которую попало несколько пуль.

Старший группы — невысокий, скуластый и загорелый дочерна капитан — молча походил по месту боя, вызвал ещё одну вертушку для вывоза «двухсотых» и убыл, оставив Виктора одного. Правда, ненадолго, потому что вертолёт с новой командой узла связи и ремонтными блоками прибыл ещё через час, а Виктора отправили в Сеул.

Потом была самая странная школа в мире, где его учили всему. От того, как держать вилку, до правильной походки в женских туфлях, хотя двухметрового и широкоплечего Виктора трудно было представить в женском платье.

Экзамен он сдавал в Соединённых Штатах, наведавшись к одному из высокопоставленных сотрудников Агентства национальной безопасности, который любил работать с секретными документами дома.

После этого были двадцать лет нескучной службы в различных местах земли, и после окончания активного периода — ещё тридцать лет преподавания в той самой школе и, как завершение, быстрая, словно ураган, болезнь, пожиравшая тело.

Это была его идея. Умереть не в постели, а покуражиться напоследок, приводя в исполнение старый приговор.

Его уговаривали, ему обещали самые лучшие лекарства и просто угрожали, хотя чем можно угрожать человеку, потерявшему страх ещё в восьмидесятом году, в афганских горах?

Внутри словно щёлкнул внутренний таймер, и Виктор, не глядя на часы, неторопливо пошёл на выход из парка.

Охранники из агентства Dreizack, что переводилось на русский как «Трезубец», не были квалифицированной охраной, а просто отморозками, готовыми стрелять на любой чих. Собственно, за это их и наняли в охрану когда-то важного лица, а ныне просто богатого пенсионера, имевшего за спиной массу врагов.

Но годы шли, никто бывшему генералу не угрожал и даже не подходил, и служба превратилась в рутину, несмотря на постоянную ротацию кадров. В «Трезубце» так и называли эту службу: «к дедушке». Служба считалась отдыхом от серьёзной работы, и охрана откровенно зевала, исполняя обязанности кое-как. Вот и пара наблюдателей в машине напротив дома не заметили вовремя старичка, гулявшего по улице, и задремали совсем уже крепко, перейдя в категорию безвозвратных потерь.

Двухэтажный особняк в Грюнвальде был обычной постройкой с парадным входом и крошечным садиком на заднем дворе.

Старик нажал на кнопку дистанционного ключа, и припаркованный у дома автомобиль гулко ухнул, генерируя мощнейший микроволновой импульс, гарантированно убивавший всю сложную электронику в доме.

Поэтому электрозамок, запиравший дверь, просто отключился, давая возможность войти.

Спешащего вниз охранника старик снял одним выстрелом, гулко прозвучавшим в тишине дома. Подождав секунд тридцать, старик стал беззвучно подниматься по лестнице на второй этаж, где были кабинет и спальня хозяина дома.

Ещё один охранник тихо стоял за перегородкой, но шумно дышал и переминался с ноги на ногу.

Бронебойные пули пробили гипсокартон, из которого был сделан почти весь дом, и впились в тело охранника.

Больше телохранителей быть в доме не должно, но Путник не расслаблялся, сделав лишь одну паузу и приложившись к бутылке с лекарством.

Ещё раз прислушался к тишине и, уловив какой-то странный скрип, присел, осторожно толкнул дверь, закинул в проём газовую гранату и тут же сдвинулся в сторону, что было совсем не лишним, поскольку хозяин дома уже всё понял и ответил ворохом пуль, остановившись по технической причине. Очень трудно стрелять, когда вокруг такая адова вонь, что слезятся глаза и перехватывает дыхание.

Старик, уже надевший очки и лёгкий фильтр на нижнюю часть лица, вошёл быстрым шагом, откинул в сторону пистолет от валяющегося на полу человека, распахнул оба окна настежь, впуская приятную сентябрьскую прохладу, и дважды выстрелил, пробивая бывшему генералу ноги. Затем достал другой бутылёк и, свинтив крышку, выхлебал до конца, выкинув ненужную больше посуду.

Через пару минут газ распался на совершенно не пахнущие компоненты, и старик снял маску.

— Привет, — он жизнерадостно улыбнулся и помахал перед лицом предателя стволом. — Как жизнь, как дела?

— Мне обещали... — прохрипел генерал и, встав на четвереньки, куда-то неторопливо пополз.

— Те, кто тебе что-то обещал, уже ждут, — старик рассмеялся. — Надеюсь, у вас будет одна сковородка на всех.

— Ты тоже проклят, — прохрипел генерал, втаскивая себя в кресло. — Проклятая страна, проклятая система, проклятые люди.

— Возможно, — Путник улыбнулся. — Но мне будет что сказать в свою защиту.

— Мне тоже.

— Прекрасно, — старик кивнул, — тогда в путь? — и выстрелил в голову предателя несколько раз, пока пистолет не встал на задержку. Где-то далеко послышался всё нарастающий звук сирен, но это было уже не важно. Как и написано было в инструкции к препарату, он схватил кресло с трупом за подлокотники и, словно собирався поднять его, чудовищным усилием потянул вверх и даже приподнял немного, но тут препарат сработал, и натруженное сердце старого душегуба наконец остановилось.

Тишина.

1

Аграрии Страны Советов в этом году закончили сезон весенне-полевых работ в строгом соответствии с графиком, утверждённым ВАСХНИЛ. И в немалой степени это произошло благодаря помощи выпускников Академии энергетики, которые вышли на поля вместе с полеводческими бригадами и агрономами.

Рабочие и инженерно-технические работники Донецкого металлургического завода досрочно отравили металл для корпусов новых ледоколов класса «Союз», которые строятся на Северной верфи Ленинграда. Сверхпрочный стальной лист, имеющий прочность в пять раз выше, чем обычная корабельная сталь, выплавлен в тесном содружестве с Институтом металлоэнергетики имени академика Патона.

В Брянской области органами правопорядка совместно с армейскими подразделениями обнаружена и уничтожена крупная банда, промышленлявшая грабежами и контрабандой. Тела бандитов сожжены, а пепел развеян по ветру в соответствии с нормативным письмом Министерства внутренних дел.

Радиостанция «Маяк». Программа новостей,
6 мая 1957 года

Казань. Парк Эрмитаж

Кажется, доли секунды не прошло, когда мёртвая зыбь черноты сменилась чьим-то вскриком и адовой болью. Путник с трудом открыл глаза и увидел, что перед ним, лежащим в пыли на тропинке среди деревьев, стоят трое молодых мужчин, одетых в мятые и давно нестиранные брюки, стоптанные ботинки, тёмные рубахи и куртки разных оттенков грязно-серого и синего цветов. Вот тот, кто стоял ближе, рябой низкорослый крепыш, отвёл ногу назад для удара, но в дело уже включился старый битый волк, воевавший всю свою жизнь.

Преодолевая немощь тела, он рывком развернул себя на бок, принял стопу на скрещенные руки, захватил голень, со всех сил крутанул её вбок и услышал дикий крик. Крепыш не удержал равновесие и с хрустом сминаемого голеностопа рухнул на спину и затих, видимо ударившись затылком.

Путник, тяжело выхаркав из горла сгусток крови, поднялся и обвёл стоявших в ступоре парней мутным взглядом.

— Мочи суку! — крикнул долговязый в совершенно ублюдочной мятой кепке и рванул вперёд, но в какой-то момент понял, что не может больше дышать, и, уже не управляя телом, пробежал мимо, врезался в дерево головой, стёк на землю, дёрнулся напоследок и тоже затих.

— Второй, — прохрипел Путник и подвигал непривычно короткими и лёгкими руками.

Третий кинулся вперёд без звука, но вдруг ощутил, что между ног словно взорвалась граната, и, скрючившись, рухнул на землю с широко раскрытым ртом,